

Вячеслав Бочаров

Полковник, герой России, офицер Управления «В» («Вымпел») Центра специального назначения ФСБ России. В спецоперации в школе №1 командовал отрядом «Вымпел» ФСБ России

– 1 сентября 2004 года выпало на воскресенье. Этот день для меня отличался от всех предыдущих тем, что я впервые в жизни должен был принять участие в съемках передачи на одном из телеканалов. Мне предложили принять участие в съемках телепередачи об Иосифе Кобзоне. Передача посвящалась тому периоду его творческой деятельности, когда он выступал с концертными программами перед бойцами ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Ну и ряд «афганцев», как живые свидетели тех событий, приглашались на передачу в качестве массовки, так сказать, для связи прошлого с настоящим.

Но 1 сентября началось с сообщения на пейджер, требующего немедленного прибытия на объект (место службы). Сейчас, в век мобильных телефонов, многие уже и не знают, что это за штука – пейджер, а тогда все сотрудники нашего управления были оснащены ими, что позволяло в любой момент передать нужное сообщение и принять его – это повышало оперативность в работе. Получив подобного рода распоряжение, бросаешь все, и где бы ты ни был, в течение полутора часов должен прибыть к месту службы. По пустякам тревожить не будут, тем более в выходной день. По прибытии на объект узнал, что в Беслане захвачена школа. Получена задача на вылет в Беслан. Понимаю, что дело серьезное. На что способны террористы, эти нелюди, знали не только мы, профессионалы, знала вся Россия.

Ведь до этого уже были взрывы домов в Москве, в Каспийске, захват заложников в Кизляре, Первомайском, Буденновске, на Дубровке. Это был не просто захват школы, это был очередной вызов всем: от руководства страны, до простого обывателя. Сотни людей пришли 1 сентября на праздник, а оказались в смертельной опасности.

С аэродрома позвонил домой и сообщил, что вылетаем в Беслан. Это уже не было секретом, по телевизору сообщение прошло. Вылетали с аэродрома Чкаловский. Смотрю на лица ребят, все сосредоточены, понимают, едут не на прогулку. Предстоит работать в здании, а это самое непредсказуемое в боевой работе. За любым углом, в любом помещении может быть неожиданность. Расстояние от тебя до противника идет на метры, бронезилет на таком

расстоянии пулю не держит, граната может прилететь из-за любого угла. При этом ни один заложник не должен пострадать от нашей пули. Мы не можем стрелять, как говорится, в том направлении, а только по четко видимой цели. Мы не можем стрелять очередями по всему, что шевелится. А бандиты могут. Думаю, в этот период каждый из моих ребят прокручивал в голове порядок действий при вхождении в здание. Мы все, даже я, разбиты по боевым тройкам, каждый знает свою задачу, все отработано до автоматизма на занятиях и проверено на практике. Но каждая новая ситуация подкидывает свои неожиданности, которые невозможно предусмотреть. Каждая ошибка может стоить жизни тебе или, что самое страшное, твоему товарищу или заложнику. Как потом жить?

Самолет приземлился в аэропорту Владикавказа. Оттуда автобусами нас доставили в Беслан. В Беслане мы расположились на территории техникума, метрах в 300 от школы.

Места всем в учебных классах не хватило, и мой отдел расположился в коридоре на втором этаже. Отдав все необходимые распоряжения по размещению, я убыл на совещание. Оно проходило в здании администрации города на втором этаже. Перед зданием расположена площадь, которая вся была заполнена народом, жителями Беслана. Они молча смотрели на нас, людей с оружием, смотрели с надеждой и настороженностью. Любые наши активные действия могли привести к освобождению их родных и в то же время повлечь за собой жертвы. Но без нас эту проблему не разрешить, освобождение заложников могло прийти только от нас, это понимали все.

Мороз по коже прошел, пока я пробирался через людскую толпу. Вся их боль, весь ужас ситуации сконцентрировались в их глазах, устремленных на нас.

Штаб по освобождению заложников возглавил наш начальник Центра, генерал, Герой России. Он же проводил совещание. Все знакомые лица, со всеми в разное время приходилось участвовать в различных оперативно-боевых мероприятиях. Девиз ВДВ – «Никто кроме нас» – как нельзя лучше соответствует духу нашей работы. И убеждения у нас одни: «Зло должно быть наказано».

На столе располагалась схема школы со всеми коммуникациями, на доске нарисован ее план. Уточнив численный состав прибывших отделов, генерал начал совещание.

Информация была следующая: утром 1 сентября, когда во дворе школы проводилась торжественная линейка, посвященная началу учебного года, на территорию школы заехала машина ГАЗ-66 с бандитами, которые, окружив собравшихся, силой оружия загнали всех в спортзал. Сколько человек захвачено, уточняется, но их может быть несколько сотен. Среди заложников дети разных возрастов, их родители, родственники, знакомые – в общем, все, кто пришел проводить детей в школу.

Предварительная информация по самой школе такова: вокруг школы открытое пространство, с противоположной стороны футбольное поле, за ним железная дорога. Спортзал в центре школы, в нем содержатся заложники. Левое крыло – это школьный медпункт, он имеет отдельный вход. В правом крыле располагается столовая, и на втором этаже актовый зал. Летом в школе проводился ремонт, поэтому возможно некоторое несоответствие с имеющейся схемой. Все окна забаррикадированы школьной мебелью, здание не просматривается. Подступы к школе простреливаются бандитами. Связь с террористами установлена, организован переговорный процесс, но пока никаких требований не выдвинуто. Точных данных по количеству боевиков, их принадлежности нет, ориентировочно до тридцати человек. Бандиты расстреляли всех мужчин, около двадцати человек, а тела сбросили в сторону железной дороги.

Вся территория вокруг школы была поделена на сектора, и каждому отделу был определен сектор ответственности, который надо было изучить досконально, определить скрытые пути выхода к школе, наиболее удобные места для огневых позиций и т.д. Строго-настрога было запрещено действовать самостоятельно, открывать огонь по школе.

Если случится непредвиденное и необходимо будет решать задачу силовым вариантом, то каждый работает в строго определенном секторе. Иначе можно попасть в зону стрельбы соседа, а это чревато неприятностями. Задача моему отделу была определена следующая: изучить обстановку со стороны центрального входа, перед которым находилось небольшое здание начальной школы, и медпункта, вход в который располагался со стороны школьных мастерских. Если начнется силовая часть операции, то отдел должен частью сил занять здание начальной школы и обеспечить действия другого отдела по проникновению в школу, а частью сил войти в школу через медпункт.

К концу первого дня мы уже четко определили основные и запасные пути выхода на исходные позиции в случае силового завершения операции. Ни заложники, ни террористы через окна не просматривались. Но бандиты прекрасно видели все подступы к школе и на любое движение с нашей стороны открывали огонь из автоматов. В конце дня мы собрались на очередное совещание, на котором доложили ситуацию на своих направлениях. Нам в свою очередь сообщили, что в школе захвачено до тысячи заложников. Еще раз подтвердили, что бандиты не выдвинули никаких требований и переговорный процесс продолжается. К этому времени стало известно, откуда они пришли, где готовились к этой чудовищной акции и кто их возглавляет. Предположительно, это был находящийся в федеральном розыске за убийство и бандитизм Хучбаров.

Ночь прошла спокойно, были слышны только редкие выстрелы со стороны школы. Мы готовились, что при необходимости придется вести бой в здании. При ведении боя в здании любая мелочь может стать роковой. Как подогнан защитный шлем, как сидит бронежилет, удобно ли извлекается пистолет, нож, граната или запасной магазин. Старшие троек еще раз проверяют связь, сигналы взаимодействия.

Мои ребята прошли огонь и воду, но вот в такой ситуации приходилось действовать впервые. И не только нам, мировая практика использования спецслужб не сталкивалась ни с чем подобным.

Когда заложников больше тысячи, то в такой ситуации особо не постреляешь, любая неосторожно выпущенная пуля найдет жертву, и это может быть ребенок. Все прекрасно понимали: если пойдём в школу, кто-то домой уже не вернется, но вслух это не произносилось. Главным были не наши жизни, а жизни заложников.

Утро третьего сентября не принесло изменений. Утреннее совещание лишь внесло коррективы только по количеству заложников – цифра перевалила за тысячу. Мы прекрасно понимали, что приближается развязка трагедии. Ведь без воды, еды, медицинской помощи многим становится уже очень тяжело. Бандиты тоже находятся в постоянном напряжении. Нервы у всех напряжены до предела. Но силовой вариант освобождения детей был неприемлем, он повлек бы многочисленные жертвы.

Время приближалось к обеду. И вдруг раздался мощный взрыв. Даю команду немедленно экипироваться по-боевому. Глянул на часы – 13.00. Тут же раздаётся второй взрыв. Выхожу на связь со штабом операции и уточняю порядок действий. Слышу в ответ: «В спортзале два взрыва. Выдвинуться на свое направление и действовать по ранее определенной задаче».

Выбегаем на улицу и к школе. Навстречу, от школы, бегут взрослые и дети, многие в крови, сильная стрельба. Во дворе частного дома увидел женщину с двумя детьми, живы, но все в крови. Это не их кровь. Указываю им на укрытие за домом. Даю команду на выдвижение на исходные рубежи. Большая часть группы рванулась в сторону здания начальной школы, я с двумя офицерами в сторону мастерских, от которых до школы рукой подать, метров 15–20. Пули вокруг ковыряют землю, но прикрывая друг друга, мы сосредоточились на углу мастерских. Выглядываю и вижу, со стороны спортзала бежит женщина.

Ей осталось добежать до нас не более трех метров, и она в безопасности, как пуля попадает ей в голову сзади, она падает, и тело ее лежит передо мной в двух метрах, и кровавая лужа расползается вокруг головы.

Окна в спортзале выбиты взрывами, кругом лежат тела детей, женщин. Им уже не помочь. Вход в школу через медпункт прямо передо мной в 20 метрах. Только эти два десятка метров открытого асфальтированного пространства надо преодолеть под пулями. Выхожу на связь со штабом и прошу разрешения войти в школу. Получив разрешение действовать по ситуации, стремительным броском втроем преодолеваем открытое пространство и оказываемся в санчасти школы. Неприятная неожиданность – прохода в школу из санчасти нет, а на схеме был. Получается, что здесь делать нечего, надо идти в спортзал, а это еще метров двадцать. Все окна забаррикадированы школьной мебелью, нам не видно, что происходит внутри здания, а бандитам через бойницы видно все. Решил проскочить в спортзал. Это еще метров двадцать открытого пространства. Тут главное – внезапность и стремительность. И вот я перед входом в спортзал.

Прямо возле моих ног лежит маленький мальчик. На нем кроме шортиков ничего нет. Он мертв. В спортзале люди лежат слоями друг на друге. Но террористов в нем нет. С противоположной стороны спортзал начинает гореть. Вошел в связь, доложил обстановку, сообщив, что в спортзале бандитов нет, они ушли на второй этаж, что начинается пожар.

В спортзале не все были мертвы. Передвигаться в полный рост было нельзя, спортзал простреливался бандитами со второго этажа, оттуда, где находился актовый зал. Вытащил очень грузную и скользкую от крови женщину, она контужена. Затем девочку лет четырнадцати. Потом еще несколько женщин. Всех затащил в раздевалку, там безопасно, это небольшое помещение без окон. Больше живых не обнаружил. Решил по коридору школы продвигаться в сторону центрального входа, напротив которого мои ребята находились в здании начальной школы. Необходимо было убедиться, что боевиков возле окон нет и что растяжек не установлено. Тогда можно было бы разблокировать от мебели окна, что позволило бы остальным войти внутрь здания. В результате перестрелки в один из моментов не уберется от пули. Она вошла в голову сзади за левое ухо.

Сколько прошло времени и где я находился – не знаю, но когда вернулось сознание, что-то мне подсказало, что я могу заявить о себе тем, кто находится рядом. Сделал рукой жест, показывающий желание что-то написать. Мне вставили в пальцы ручку и я вслепую написал «ЦСН, ФСБ, Бочаров». Это было началом пути возвращения в мир живых. Пуля вырвала верхнюю челюсть, часть лицевых мышц, а дальше без перечисления.

Самолет доставил меня в Домодедово, оттуда в госпиталь. Был долгий период лечения, еще шесть лет службы. Сейчас я занимаюсь общественной работой в области патриотического воспитания наших граждан